

[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.58.005](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.005)

Оригинальная статья / Original paper

Н.С. Ерохов

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», г. Москва, Российская Федерация
E-mail: nikita1312er@gmail.com*

**«Царь переходит в католичество»:
конфессиональные иерархии,
восприятие указа о веротерпимости
и религиозное насилие
в Северо-Западном крае
после 17 апреля 1905 г.**

Аннотация

В статье изучаются случаи религиозного насилия (разграблений храмов, кладбищ, атак на прихожан православной церкви) со стороны католиков Северо-Западного края Российской империи в отношении живших в этом крае православных вскоре после издания указа о веротерпимости. Основываясь на материалах делопроизводства и публицистики, фиксировавших случаи разграбления храмов и кладбищ (и, в некоторых случаях, их мотивировку), делается вывод, что разграбления несли символическое значение, были призваны «очистить» сакральное пространство храма или кладбища от атрибутов «грязной», «собачьей» веры и что они были мотивированы сложившимся в католической среде представлением о православии как «нечистой веры». Демонстрируется, что всплеск религиозного насилия со стороны католиков после издания указа 17 апреля 1905 г. был вызван специфическим сочетанием в миро-

воззрении католиков губерний Северо-Западного края представлений о верховной власти с упомянутым ранее восприятием православия как «нечистой веры». Отмечается, что в разграблении православных храмов католиками последними виделось не только утверждение своей веры, но и достижение их социальных требований и улучшения институционального положения католической церкви. В заключении статьи делается вывод, что случаи атаки на храмы и кладбища, принуждения некоторых православных к переходу в католичество можно интерпретировать как «перенаправление» католиками бюрократических мотивировок их массового обращения в «царскую веру» в 1860-е гг. и что такое «перенаправление» было призвано обозначить складывающуюся (по мнению самих католиков) новую конфессиональную иерархию в Северо-Западном крае после 17 апреля 1905 г.

Ключевые слова:

иностранные исповедания Российской империи; Северо-Западный край Российской империи; указ о веротерпимости 17 апреля 1905 г.

Для цитирования:

Ерохов Н.С. «Царь переходит в католичество»: конфессиональные иерархии, восприятие указа о веротерпимости и религиозное насилие в Северо-Западном крае после 17 апреля 1905 г. // Исторический вестник. 2026. Т. 58. С. 140–163. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.58.005](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.005)

Nikita S. Erokhov

National Research University Higher School of Economics,

Moscow, Russian Federation

E-mail: nikita1312er@gmail.com

«The Tsar Converts to Catholicism»: Confessional Hierarchies, Perceptions of the Decree on Religious Tolerance, and Religious Violence in the Northwestern Region after April 17, 1905

Abstract

The article examines cases of religious violence (looting of churches, cemeteries, attacks on parishioners of the Orthodox Church) by Catholics in the Northwestern borderlands of the Russian Empire against Orthodox Christians living in this region shortly after the issue of the decree of religious tolerance. Based on the description of cases of looting of churches and cemeteries (and, in some cases, their motivation), it is concluded that the looting had a symbolic meaning, was intended to “cleanse” the sacred space of the church or cemetery from the attributes of the “dirty”, “dog” faith, and that they were motivated by the idea that had developed in the Catholic environment of Orthodoxy as an “unclean faith”. It is demonstrated that the surge of religious violence by Catholics after the decree of April 17, 1905 was caused by a specific combination in the worldview of Catholics in the provinces of the North-West Region of ideas about the Russian emperor with the previously mentioned perception of Orthodoxy as an “unclean faith”. It is concluded that cases of attacks on churches and cemeteries, forcing some Orthodox Christians to convert to Catholicism can be interpreted as a case of “redirection” by Catholics of bureaucratic motivations for the mass conversion of Catholics to the “royal faith” in the 1860s, and that such “redirection” was intended to designate the emerging (in the opinion of the Catholics themselves) new confessional hierarchy in the North-West Territory after April 17, 1905.

Keywords:

The Northwestern borderlands of the Russian empire; The decree of tolerance 17th of April 1905; Religious violence

For citation:

Nikita S. Erokhov. «The Tsar Converts to Catholicism»: Confessional Hierarchies, Perceptions of the Decree on Religious Tolerance, and Religious Violence in the Northwestern Region after April 17, 1905 // The Historical Reporter. 2026. Vol. 58. P. 140–163. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.58.005](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.005)

По сообщениям Департамента полиции в Виленской губернии, 1 ноября 1905 г. в православной церкви Святого Иоанна произошло необычное ограбление. Согласно сообщению департамента, из церкви были «вынесены святые иконы, царские и боковые врата, паникадило, св. престол, жертвенник, хоругви и прочая церковная утварь, и все это разбросано вокруг церкви, возле ограды и за оградой церкви оказались св. престол, жертвенник и аналои, святые иконы прямо на земле, разбросаны вдоль всей ограды, причем царские врата целы, а боковые разломаны, две хоругви разобраны и поставлены за оградой, а также брошены за ограду паникадило и изображение тайной вечери, бывшее прикрепленным к верху царских врат, две священнические ризы надеты на ели, листы Евангелия повешены на вынесенный жертвенник, а переплет от св. Евангелия и св. Крест, изогнутый, найдены в двухверстном расстоянии от церкви в казенной лесной даче на опрокинутом столбе. В церкви осталось лишь старинное рельефное распятие р-к церкви» (остававшееся в церкви с того момента, как она была обращена из униатского костела в православную церковь)¹. По сообщенным информатору слухам оно было сделано с целью обращения церкви в костел².

Это разграбление было очень не похоже на более «Обычные» случаи грабежа церквей — в донесении о разгроме церкви Святого Иоанна не было ничего сказано о случаях утаивания богатой церковной утвари

¹ ГА РФ. Ф. 102 Д-3. Оп. 103. Д. 16. Ч. 33. Л. 20.

² Там же. Л. 18.

в соседних деревнях и кражи из церкви денег, что было характерно для обычного грабежа³.

Как будет показано далее, в случае церкви Святого Иоанна пересеклись сразу несколько узловых проблем, связанных с особенностями конфессиональной ситуации в Северо-Западном крае Российской империи. С одной стороны, в нем проявилось долгосрочное последствие массовых бюрократических обращений католиков в православие и перевода католических храмов в юрисдикцию православных епархий, происходивших в 1860-е гг., с другой — особенности восприятия указа о веротерпимости в среде местных католиков. В настоящей статье будет предпринята попытка изучить, почему издание этого указа было интерпретировано католиками как сигнал к началу атак на местных православных и их сакральные объекты.

Институциональное положение католичества в Северо-Западном крае во второй половине XIX — начале XX в.

Современные исследователи конфессий в Российской империи при описании существовавшей в ней системы управления конфессиями называют ее «конфессиональным государством»⁴. Как отмечает автор этого понятия Роберт Круз, бюрократия империи гарантировала отдельным вероисповеданиям статус «терпимой» конфессии, в обмен рассчитывая на лояльность ее представителей к имперскому режиму⁵.

Католичество являлось одной из таких «Терпимых» конфессий, структура управления которой во многом повторяла созданную в начале XVIII в. синодальную систему⁶. Окончательно система управления ка-

³ Вот как описывается такое «Типичное» ограбление: 26 сентября 1906 г. в слободе Косицкой Вылевской волости из старообрядческой(!) молельной было украдено церковных книг на 200 рублей, а также свечи, три ризы с аналоев и погребальное покрывало (все суммарно на 105 рублей). Вещи эти были разысканы в слободе, в бане местной жительницы, там же нашли и воров, при задержании вора нанесли побои местные жители, от чего они умерли. Характерно, что в этом случае мы наблюдаем кооперацию с администрацией местных жителей, в итоге совершающих самосуд над ворами. В случае с ритуализированными разграблениями православных церквей и кладбищ сведения о таких самосудах отсутствуют.

⁴ Crews R. Empire and the Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth-Century Russia // *The American Historical Review*. 2003. P. 50–83.

⁵ Ibid. P. 53–55.

⁶ О синодальной системе см.: Freeze G. Institutionalizing Piety: The Church and Popular Religion in Russia, 1750–1850 // *Imperial Russia: New Histories for the*

Генерал-губернатор М.Н. Муравьев-Виленский.
Из открытых источников

толической церковью была оформлена уже в 1832 г., когда Департамент духовных дел иностранных исповеданий, осуществлявший управление всеми неправославными вероисповеданиями империи, вошел в состав Министерства внутренних дел⁷.

В этом учреждении, с одной стороны, проявилось желание государства усилить контроль за жизнью своих подданных, в том числе и при помощи привлечения на свою сторону духовенства, с другой — косвенно признавалась необходимость участия представителей духовенства в местном управлении.

В ответ на это уже само духовенство как бы «подписывалось» под тем, что оно не будет вовлечено в политику и не будет претендовать на равный статус с православной церковью (за которой сохранялось эксклюзивное право на миссионерство среди других исповеданий). В статье 54 «католической» части «Устава иностранных исповеданий» указывалось, что «лицам Римско-католического духовенства строго запрещено в своих поучениях, произносимых в церквях, касаться предметов поли-

Empire, ed. Jane Burbank and David Ransel. Bloomington, 1999. P. 212. О схожести православного Синода с Римско-католической духовной коллегией см.: Werth P. The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia. Oxford, 2014. P. 52.

⁷ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917: Центральные государственные учреждения. Т. 2. СПб., 2001. С. 36–38.

тических, даже в общих выражениях, или издавать сочинения о делах политических»⁸.

Этот «договор» между католиками и правительством, с точки зрения самих властей, был нарушен в ходе двух восстаний 1830–1831 и (в особенности) 1863–1864 гг.⁹ Вскоре после этого на территории Северо-Западного края начали вводиться дополнительные ограничения в повседневной жизни католической веры, призванные лишить ее «политического» содержания. Так, в ходе генерал-губернаторства М.Н. Муравьева вводился запрет на торжественные встречи духовенства, запрет на пастырские послания, отлучки из приходов при отсутствии разрешения на то со стороны администрации края, вводились также ограничения на постройку костелов и каплиц (католических часовен)¹⁰.

Таким образом, начиная с 1860-х гг. постепенно укоренилась контаминация политического и конфессионального — запреты, вводимые в отношении конфессиональных атрибутов католической церкви, имели политическое значение. Одновременно с этим проводились кампании по переводу католиков в «царскую веру» — православие. Ключевой мотивацией этих переходов должно было стать не религиозное переживание и сознательная смена веры, а утверждение гражданского самоопределения, проявление политической лояльности трону¹¹. Вместе с переходами католиков в православие «уходили» и храмы, которые становились символическим воплощением господства православия в крае.

Сторонниками таких «бюрократических» обращений эти акции воспринимались как утверждение «русского» присутствия в крае¹². Однако в настоящей статье будет изучено то, как православие и католичество воспринимались в среде самих католиков, которые выработали собственные представления об иерархии конфессий и о месте православия в ней.

⁸ Свод законов Российской империи. Т.ХI. Ч. 1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб., 1857. С. 14.

⁹ Werth P. The Tsar's... P. 153. О самом восстании см.: Воронин В.Е. Польское восстание 1863 года: опыт «Примирительной политики» русского правительства. М., 2008. О важной предыстории отношений властей и католической церкви см.: Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 41–109.

¹⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 5. Л. 19.

¹¹ Долбилов М.Д. Русский край... С. 379–381.

¹² Там же. С. 452.

Архиепископ Литовский Александр.
Из открытых источников

«Собачья вера»: образ православия в католической среде

Как показывают современные исследователи католической церкви эпохи модерна, история католических сообществ в Европе XIX в. оказывается связана с переплетением процессов секуляризации и религиозного возрождения¹³. В это время католической церкви, с одной стороны, удалось создать транснациональное сообщество верующих, с другой — окончательно определить и трансформировать ценности своего сообщества и определить «врага» как отрицающего эти ценности¹⁴.

При этом отличительной чертой «Католического возрождения» стало повышенное внимание к религиозности «низов» — церковный канон и пастырский авторитет сочетались с поощрением религиозных представлений и вкусов, близких социальным низам¹⁵. На западных окраинах Российской империи же католики воспринимались как политически нелояльная и опасная группа, на нее накладывалось большое количество адми-

¹³ Clark C. The New Catholicism and the European culture wars // Culture Wars: Secular-Catholic Conflict in Nineteenth-Century Europe Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 11.

¹⁴ Ibid. P. 35–36.

¹⁵ Долбилов М.Д. Конфессиональная идентичность и аргументы памяти — католический ответ на русификацию // Православие: конфессия, институты, религиозность (XVII–XX вв.): Сборник научных работ. СПб., 2009. С. 76.

нистративных ограничений, вводившихся с целью защиты «господствующей веры»¹⁶, что не могло не сказываться на восприятии соседствующих с католиками православных — дружественные отношения православных и католиков в крае были наказуемы местными священнослужителями¹⁷.

Поэтому на западных окраинах Российской империи в рамках «обновления» католицизма особенно актуальна оказалась проблема отделения своего сообщества от существующего рядом «врага»¹⁸. Такая демаркация «свой-чужой» по отношению к православным производилась католиками сразу в нескольких плоскостях — конфессиональной, социальной и политической¹⁹. Начнем с описания конфессионального измерения.

Одним из самых часто встречающихся тропов антиправославного дискурса католичества является описание православия как грязной, «собачьей» веры. Согласно подробному письму литовского архиепископа Александра, посвященному описанию действий католических священников, «ксендзы притесняют при выдаче свидетельств о вступлении в брак с православными, прося за это большие деньги и высказывая дикие суждения: “православная вера есть песья, собачья вера”, “от каждого православного пахнет псом и с ним противно жить в супружестве”, “лучше католику жить распутно, чем вступать в брак с православными”, “от браков православных с католиками рождаются дьяволы (бесята) в непрерывном ряде поколений, и они осуждены на вечную жизнь в аду”»²⁰.

¹⁶ Об этом см.: Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера... С. 297–367.

¹⁷ Werth P. The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia. Oxford, 2014. P. 201.

¹⁸ Необходимость такого конфессионального разделения также диктовалась тем, что далеко не все верующие в своей повседневной жизни обращались лишь к одному вероисповеданию — еще в начале XX в. в рапорте начальника канцелярии генерал-губернатора Северо-Западного края сообщалось, что в некоторых деревнях у прихожан стоят как православные, так и католические иконы и что православные и католики ходят в храмы друг друга. (ОР НБ МГУ. Ф.39. Оп. 1. Д. 122. Л. 3). Такая ситуация воспринималась католическим духовенством как ненормальная.

¹⁹ Необходимо сделать одно важное замечание, прежде чем переходить к непосредственному анализу риторики католической церкви Северо-Западного края. В отличие от представлений бюрократии и православных о католичестве, доступных нам «из первых рук», в случае с представлениями католиков о православных мы практически всегда получаем эти известия через «посредника», заинтересованного в негативном изображении католиков, в результате чего он мог искажать (а то и вовсе выдумывать) прямую речь. Поэтому так важно в случае такого анализа опираться не только на риторику, но и на действия католических священников, зафиксированные в делопроизводственных документах.

²⁰ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 2061. Л.11.

Похожее описание дается и о православных храмах: «лучше быть в корчме, в скотском хлеве и в распутном доме, чем сходить в православном храме»²¹. Осквернивший себя посещением православного храма католик должен очиститься бросанием в этот храм падали кошек, собак и навоза или личным оскорблением священника²². Подобные топорные описания православных священников будут встречаться и в публицистике в 1905 г. — «Новое время» будет приводить следующие цитаты: «от православного священника смердит собакой», «православные помазываются собачьими хвостиками» и «лучше сходить в синагогу, чем в церковь»²³.

Пытливый читатель может обратить внимание, что все вышеперечисленные нами случаи такого восприятия православия получены «из вторых рук» и что есть все основания сомневаться в их достоверности. Поэтому обратимся к примеру из 1902 г., когда представления о «нечистом» православии воплотились в практиках католиков. Речь идет о случае, когда виленским епископом Стефаном Зверовичем был издан циркуляр о запрете посещения католиками церковно-приходских школ.

В этом циркуляре (текст которого сохранился в фонде Департамента полиции ГА РФ) говорится, что церковно-приходские школы враждебны католической вере и что в них на католиков смотрят как на врагов государственности²⁴.

Зверович указывает, что, поскольку церковно-приходские школы оказывают безусловно вредное влияние на подрастающее католическое юношество, священникам необходимо следить за тем, чтобы их не посещали — а если посещают, то не давать отпущения грехов детям и их родителям²⁵.

По всей видимости, по крайней мере часть католических священников исполняла это требование. Так, один из ксендзов уже после издания указа, узнав, что его прихожанин Антон Марцинкевич ходит в школу, выдрал его за ухо в костеле. Другой ксендз по фамилии Войцеховский говорил, что в школах учат разврату, а также что он лишит ходящих туда христианского погребения²⁶.

Таким образом, описываемые выше представления католиков о необходимости защищать «чистоту» собственной веры от «грязного»

²¹ Там же. Л.11 об.

²² Там же.

²³ Новое время. 20.05.1905. С. 3.

²⁴ ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 100. Д. 48. Ч. 5. Л. 2–2 об. О политических коннотациях конфессионального разделения православия и католичества речь пойдет ниже.

²⁵ Там же. Л. 3 об.

²⁶ Там же. Л. 29.

православия хотя и могли быть приукрашены в донесениях и публицистических статьях, но, по всей видимости, имели под собой реальные основания. И в 1905 г. мы наблюдаем большое число символических «очищений» сакральных пространств (храмов, кладбищ и т.д.) от элементов грязной, «собачьей» веры, подобно упомянутому в начале статьи случаю разграбления церкви Святого Иоанна.

Так, в Бельском уезде Гродненской губернии в свое время упразднили костел по причине «вредного влияния» на православное население. В 1881 г. все его имущество было передано православным, но работы по его реконструкции православные начали лишь в июле 1905 г. — и это вызвало недовольство католиков, которые пытались помешать работам и не хотели, чтобы принадлежавший им ранее костел менял свой профессиональный облик²⁷.

Другой случай, в котором католики уже не «обороняли» когда-то принадлежавший им костел, а «атаковали» православный. В сентябре 1905 г., по сообщению минского губернатора, два ксендза приехали в село в Слуцком уезде и устроили мессу, после которой обратили в католичество 150 человек, после чего говорили, что все земли тут будут возвращены католикам. Властями были вызваны две роты, которые предотвратили превращение бывшего упраздненного костела в католический храм²⁸.

Иногда католики стремились предотвратить постройку православного храма — в мае 1905 г. ксендз Малиновский и викарий Карл Солуба явились с толпой крестьян-католиков на место постройки новой православной часовни, требуя, чтобы работы прекратили²⁹.

В некоторых случаях вскоре после взятия костела, обращенного в храм, там начинали проводиться католические богослужения — 13 мая 1905 г. жители застенка Жолнеркевичи перешли в католицизм и вскоре захватили ключи от кладбищенской церкви, каковых, несмотря на требование священника, не возвратили, «причем после захвата ключей совершали в церкви какие-то самочинные службы»³⁰. Лишь после вмешательства государственной власти в августе 1905 г. ключи были возвращены священнику этой церкви³¹.

²⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 11. Д. 80. Л. 31–31 об.

²⁸ Там же. Оп. 3. Д. 822. Л. 1–1 об.

²⁹ Там же. Д. 817. Л. 3.

³⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 75. Отд. III, ст. 3. Д. 324. Л. 1.

³¹ Там же. Л. 3.

Католический архиепископ Могилевский Шембек.
Из открытых источников

Разграблениям подвергались не только храмы — так, к примеру, в мае 1905 г. в деревне Студянке была разграблена церковно-приходская школа — «сорваны были ставни с окон, двери, побиты стекла, поломаны парты, разрушена печка, изорваны в куски портреты Государя Императора и архиепископа Иеронима, икона снята и поставлена в заднем углу у порога»³².

Подвергались нападениям и разграблениям и кладбища — в сентябре 1905 г. в Ковенской губернии неизвестными было разрушено православное кладбище, уничтожено 24 надмогильных креста и сломана ограда³³. Характерно, что в ходе такого разграбления четырехконечные кресты, схожие с католическими, остались нетронутыми, тогда как восьмиконечные кресты (четко маркируемые как православные) все были уничтожены³⁴.

В некоторых случаях дело не ограничивалось лишь крестами — в посаде Кодне бывшие упорствующие поломали находившиеся на кладбище памятники и кресты, пытались разрывать некоторые могилы и выбрасывать из них кости православных мертвецов³⁵.

³² Католическая агитация // Новое время 31.05.1905. С. 4.

³³ ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 104. Д. 1. Ч. 59. Б. Л. 28.

³⁴ Там же. Л. 36.

³⁵ Католическая агитация // Новое время. 31.05.1905. С.4.

Местные власти (а также писавшие об этом газеты) объясняли такие случаи ритуальных атак агитацией и подстрекательством ксендзов³⁶. Однако далеко не всегда акции по разграблению храмов «согласовывались» с католическим духовенством — более того, в некоторых случаях мы можем с уверенностью говорить, что прихожане-католики действовали по собственной инициативе. В мае 1905 г. в ходе своего визита в Минскую губернию католический архиепископ Шембек узнал о конфликте местных католиков с православным священником по поводу конфессиональной принадлежности кладбища и о том, что местный православный священник, стремясь избежать разграбления, запер его. Шембек, не желая эскалации конфликта, не стал заезжать на кладбище, но при этом местные крестьяне все равно перелезали через кладбищенский забор и «очищали» кладбище от православной утвари³⁷.

Все вышеописанные случаи объединяет удивительная избирательность в том, какие именно предметы были сломаны или выброшены из храмов или кладбищ. Практически всегда эти предметы оказываются конфессионально окрашены как православные — это могут быть восьмиконечный крест (при этом четырехконечные кресты на кладбище остаются нетронутыми), хоругвь, священническая риза, иконы. Кроме того, зачастую вскоре после захвата храмов, которые ранее принадлежали католикам, а затем стали православными, взявшие их католические прихожане начинали совершать там службы. В некоторых случаях католики сопротивлялись освящению объектов православными священниками — в деревне Островок Гродненской губернии в июне 1905 г. священник освятил местный колодец, после чего к нему подошла мона-

³⁶ См., напр.: «Литовские крестьяне во время феста напали на старообрядцев, при этом в толпе были крики “долой русских, полицию и стражников, не нужно нам царя, у нас должна быть Литва”. По слухам, озлоблению литовцев способствует ксендз Петр Войтекун, который в своих проповедях подстрекает литовцев к нападению на русских» (ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 104. Д. 1. Ч. 59. Б. А. 10). При этом кажется важным подчеркнуть, что в некоторых случаях атаки католиков на православных могли провоцироваться религиозно экзальтированными прихожанами и священниками (хотя, как показывает описываемый далее случай с архиепископом Шембеком, имели место быть и прямо противоположные ситуации). Но одновременно с этим представляется неосновательной позиция А.Ю. Бендина, заявляющего, что атаки на храмы и кладбища были лишь результатом «пропагандистской кампании» (Бендин А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи. Минск, 2010. С. 322). Ведь даже если нападения католиков на православных были результатом спланированной пропаганды католического духовенства, то необходимо понять, почему эта пропаганда так легко находила отклик в сердцах их прихожан.

³⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 3012. Л. 90–92.

хиня-терциарка и заявила, что «нам не надо, чтобы русские черти освящали воду в колодце, я сама ее освятила»³⁸.

Обратным процессом происходивших «очищений» бывших католических костелов и недопуска проникновения элементов православия в католические приходы являлось символическое «загрязнение» православных храмов — к примеру, в посаде Горадло в пасхальную службу во время крестного хода православные подверглись открытому нападению упорствующих и католиков; перебиты были фонари, церковные стекла, а по входе православных в церковь последняя была осквернена нечистотами³⁹. Вместе с «загрязнением» часто проводилось и ограждение католических сакральных пространств от православных — в Гелвонском приходе Виленской губернии католики отделили для православных в углу небольшое место, окружили рвом и пробили в стене отверстие, чтобы «поганные» православные не носили умерших через главный вход⁴⁰.

Таким образом, можно заметить, что конфессиональная демаркация православия и католичества предполагала их иерархизацию, в которой «чистое» католичество доминировало над «грязным» православием. Такое символическое разделение наделяющего «Другого» атрибутами грязи и нечистоты, с одной стороны, является одним из наиболее распространенных в самых разных культурах способов членения окружающей реальности⁴¹. Но не менее важно и другое, возникающее при использовании таких метафор противопоставление: «чистого» католичества «грязному» православию.

Представляется, что такое разделение являлось ответом на использовавшуюся в ходе кампаний по дискредитации католичества в 1860-е гг. гиперболизированную оппозицию социальной иерархии империи «блеск-серость», в которой блеск «верха» общества Северо-Западного края (в данном случае имелись в виду польский помещик и образованный ксендз) на поверку оказывался поверхностью и «наносным элементом»⁴².

Если это рассуждение верно, то описание православия как «грязной» веры являлось символическим переопределением иерархий пра-

³⁸ ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 103. Д. 1. Ч. 18. Л. Б. А. 21.

³⁹ «Католическая агитация» // Новое время. 31.05.1905. С. 4.

⁴⁰ «Католическая агитация» // Новое время. 11.06.1905. С. 3.

⁴¹ См., напр.: Дуглас М. Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу. М., 2000. С. 24–28.

⁴² Долбилов М.Д. Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг. // Образ врага. М., 2005. С. 142–143.

вославия и католичества, в котором устоявшиеся символы социальных и конфессиональных иерархий, однажды переопределенные властью, вновь переопределялись, на этот раз уже «в пользу» католичества как «чистой» и принадлежащей к социальному верху конфессии. Именно поэтому в публицистике встречаются выражения ксендзов о том, что православные священники в будущем у них будут «пастухами»⁴³, что православная вера — холопская и что православные священники живут в нищете⁴⁴.

Наконец, это разделение обладало и политическими коннотациями. Выше уже цитировался текст циркуляра епископа Зверовича, в котором говорилось, что на католиков смотрят как на врагов государственности. Конфессиональное противостояние католичества и православия, политизированное в 1860-е гг. самими имперскими властями⁴⁵, теперь также осмыслялось и католиками.

В этом смысле будет бесполезно вернуться к письму архиепископа Александра, где он также сообщал о том (в 1882 г.!), что среди католиков циркулирует слух, что после коронования в Москве царствующий государь примет католицизм и отправится в Рим на поклон папе⁴⁶.

Такой слух заново расставлял и переворачивал существующую политическую иерархию — католичество из «терпимого» вероисповедания превращалось в господствующую конфессию, силе которой подчиняется даже сам император! Эта небольшая деталь из письма архиепископа Александра окажется крайне важной при дальнейшем анализе действий католиков и их интерпретации указа 17 апреля 1905 г., поскольку отчасти позволит объяснить резкий всплеск религиозного насилия со стороны католиков после его издания.

«Царь-католик»: слухи о религиозных изменениях в католической среде после издания указа о веротерпимости

Упомянутое ранее письмо архиепископа Александра, в котором говорилось о существовавшем в среде католиков слухе о скором переходе императора в католичество, является не единственным свидетельством

⁴³ Новое время. 20.05.1905. С. 3.

⁴⁴ «Из западнорусских епархий» // Литовские епархиальные ведомости. № 28–29. С. 257.

⁴⁵ Werth P. The Tsar's... P. 153.

⁴⁶ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 2061. Л. 12 об.–13.

о том, что такое представление, по всей видимости, действительно существовало в католической среде. Приведу пример схожего сообщения.

В 1903 г. сотрудник администрации Северо-Западного края П.Н. Сергиевский отмечал, что католики Песковского прихода Гродненской губернии убеждают православных в том, что «Бог даст, скоро будет уния, Иоанн Кронштадтский переходит в католичество и будет папой Римским» (причем их веру в такой исход событий подкрепляла недавняя закладка в их приходе нового костела)⁴⁷. Сергиевский также упоминал о существовании других кажущихся при первом прочтении абсурдными слухов: о том, что издан «Царский манифест, признающий ныне повсеместно в России католичество как единственную правую веру, но его прячет священник»⁴⁸, что «Иоаким епископ Гродненский был арестован правительственной властью за то, что говорил на тему о превосходстве православия»⁴⁹.

Такие слухи, описываемые властями как суеверия, по всей видимости, являлись неотъемлемой частью существовавшего в католической среде мировосприятия. Как отмечают исследователи крестьянской культуры, в этой среде достаточно часто появлялись слухи, которые возникали в результате когнитивных конфликтов: столкновения крестьянских представлений о том, как должно быть, с намерениями властей и политической реальностью⁵⁰.

В нашем случае такое столкновение кажется более чем очевидным — существовавшие в католической среде представления о первенствующей роли католичества (как единственной истинной веры) сталкивались с более низким (а учитывая многочисленные запреты на проявления католической религиозности в крае и вовсе дискриминированным) институциональным положением католической церкви по отношению к православной. По всей видимости, такое противоречие

⁴⁷ ОР НБ МГУ. Ф.39. Оп. 1. Д. 122. Л. 56–57. Сергиевский описывает эти взгляды католиков как результат «влияния» местного ксендза, который представлялся непосредственным автором таких «чудовищных слухов». И хотя нам кажется, что появление таких слухов, скорее всего, все-таки было связано с крестьянской средой, но при этом вполне можно представить ситуацию, когда местный священник как минимум не препятствует их распространению — в католичестве второй половины XIX в. считалось важным прислушиваться и почитать народную сторону религиозности. Об этом см.: *Долбилов М.Д. Русский край... С. 227–240 et passim.*

⁴⁸ Там же. Л. 59.

⁴⁹ Там же. Л. 57.

⁵⁰ *Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции: массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М., 2022. С. 237.*

«снималось» в сознании крестьян-католиков представлением, что за нынешние «мучения за веру»⁵¹ (а случаи дискредитации католичества воспринимались, по всей видимости, именно так — в одном из докладов генерал-губернатору прямо сообщалось, что «наказание виновных лиц римско-католического духовенства за упорство в антиправительственном движении, являясь в глазах паствы мученическим подвижничеством за веру, только подогревало фанатизм и подчиняло народ еще большему влиянию ксендзов» — после ссылки ксендза Гриневицкого крестьяне стали паломничать в честь его памяти в Вильну)⁵² католикам воздастся в будущем превращением католичества в единственную истинную веру во всей империи⁵³.

Указ 17 апреля в таком восприятии оказывался подтверждением существовавших в католической среде слухов о будущей судьбе православия и католичества⁵⁴ — и соединялся с в целом присущим крестьянскому сознанию эсхатологическим предчувствием⁵⁵. Уже в мае 1905 г. мы видим актуализацию этих представлений, которые часто оказывались весомым аргументом в пользу перехода православных в католичество.

Так, состоявшая в переписке с К.П. Победоносцевым местная ревнительница православия О.И. Анненкова сообщала, что «дарованная милость, казалось бы, должна была объединить народ, но горькая действительность показывает обратное. Католики, держась иезуитского девиза — цель оправдывает средства — ничего не стесняются, расширяют донельзя фиктивные свои права, утверждают, что и государь принял католичество, а равно и отец Иоанн Кронштадтский, словом, все будут

⁵¹ Как отмечает М.Д. Долбилов, «в российском католицизме психология народного католицизма готовила его адептов и адепток к страданиям за веру». См.: Русский край... С. 235.

⁵² ОР НБ МГУ. Ф.39. Оп. 1. Д. 101. Л. 60 об.

⁵³ Будущее «воздаяние», как будет показано нами далее на примере обсуждения в крестьянской среде слуха о том, что только католики получают землю, имело в сознании католиков не только узкоконфессиональные, но и более широкие социальные последствия — вновь налицо уже описанная нами ситуация контаминации конфессионального, социального и политического, «запаковывающегося» в факт конфессиональной принадлежности.

⁵⁴ Если рассматривать этот указ как часть символического пространства, то он вполне мог истолкован иначе, чем это изначально предполагалось властями — поскольку «перевод» символов может быть совершенно неожиданным, им может быть приписано совершенно неожиданное значение» (Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть. СПб., 2001. С. 12).

⁵⁵ Аксенов В.Б. Указ. соч. С. 241.

католиками, и чем скорее это совершится, тем лучше, так как церкви будут запечатаны»⁵⁶.

Признания Анненковой подкрепляются и сообщениями департамента полиции — в июне 1905 г. сообщалось, что крестьянин Виленской губернии заявил кронскому полицейскому уряднику при ремонте им православной часовни в Кронцах, что «зачем починяешь эту церковь, церковь эта будет наша и вера православная проклятая, я вычитал с книги, что вера эта проклятая»⁵⁷.

Известия о слухах о скором переходе императора в католичество встречаются и в публицистике того времени — в июле 1905 г. говорилось, что существуют слухи «о том, что царь перешел в католичество, что католичество теперь господствующая религия, что православные церкви обратят в костелы и что земельные наделы будут отданы католикам, даже само положение комментируется предвзято — говорится, что раз переход из православия в католичество не наказывается, то переход из католичества в православие наказывается»⁵⁸. В августовском номере «Литовских епархиальных ведомостей» говорилось, что в одном из костелов «ксендз громко сказал, что переход из православия в римско-католичество теперь дозволен правительством, разрешившим поездку бискупа по витебской губернии для этой именно цели»⁵⁹.

В более ранней статье конца июня 1905 г. мы встречаем и указания на то, что издание указа будет иметь и незамедлительное практическое воплощение — согласно тексту статьи указ комментировался так «будто Государь повелел всем переходить в католичество, православные церкви будут обращаться в костелы, а имущества их будут переданы ксендзам»⁶⁰.

Передача имущества (и самое главное — земли) в пользу католических приходов также встречается в сообщениях о распространявшихся в среде католиков слухах: один из крестьян заявил священнику,

⁵⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 2. Д. 88. Л. 43 об. — 44. Вновь встречающееся упоминание Иоанна Кронштадтского как важного для католиков «переходящего» в католичество, по всей видимости, свидетельствует, что его почитание было характерно не только для православных. Его же образ заступника за «маленьких людей» вновь показывает связь конфессиональных и социальных характеристик. О случае прошений к отцу Иоанну со стороны католиков и даже иудеев с просьбой о заступничестве см.: Киценко Н.Б. Святой нашего времени: отец Иоанн Кронштадтский и русский народ. М., 2006. С. 61, 75.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 103. Д. 1. Ч. 33. Л. Б. Л. 7.

⁵⁸ «Католическая агитация» // Новое время. 11.07.1905. С. 3.

⁵⁹ «Подвиги польских ксендзов» // Литовские епархиальные ведомости. № 35. 31.08.1903.

⁶⁰ «Борьба католичества с православием в Литве» // Новое время. 20.06.1905. С. 3.

что «ходят слухи, что крестьянин одной из деревень заявил священнику, что они будут лишены земельных наделов, если откажутся от перехода в католичество, а церковь обратят в костел»⁶¹.

Связь между обладанием землей и католическим вероисповеданием показывает, что упоминавшаяся нами ранее контаминация социального, конфессионального и политического, характерная для Северо-Западного края, актуализировалась вскоре после издания указа 17 апреля.

Ярким примером такой контаминации является сохранившаяся брошюра «уничтожение костелов москалями», появившаяся в 1905 г.⁶² В ней рассказывается о том, как закрыли костел в Шледзанове, как в 1892 г. он чудом открылся. Вскоре после открытия на место приехала полиция, стремившаяся вновь закрыть костел, но люди не хотели уходить из костела, лежали в нем и вокруг него, и в итоге солдаты били тех, кто лежал в костеле. В тексте сообщалось, что многие были побиты нагайками лишь за то, что хотели посмотреть на свершившееся чудо⁶³.

В брошюре говорилось, что «тот, кто хочет удержаться в вере отцов, тот должен удержать и родной язык» и что «тот, кто обороняет святую веру от поруганий, тот в конце концов должен оборонять и язык отцов»⁶⁴. Именно поэтому «московская власть запретила учить в школах по-польски, чтобы мы забыли язык отцов и то, что мы — поляки»⁶⁵. Политическая власть представлялась как адские силы и сравнивалась с римскими императорами: «Московиты — посланники ада, которые громят Божьи Храмы», что они орудие сатаны, «которым ад ведет бой с Христом», что это «враг и гибель всякой правды, более грозный, чем Нерон»⁶⁶.

Далее, согласно тексту брошюры, местные православные жители обвиняются в том, что осели на землях костела и «доносили (именно так!) на поляков-католиков своим попам». Таким образом, мы видим, что содержание указа 17 апреля, проникая в католическую среду, трак-

⁶¹ «Католическая агитация» // Новое время. 11.07.1905. С. 3.

⁶² Мне не удалось найти место создания и издателя этой брошюры, однако кажется очевидным, что она создавалась одним из сторонников польского национального проекта и в этом смысле изначально она явно была орудием польского национализма. Между тем используемые в этой брошюре образы, рассчитанные, по всей видимости, на крестьянское восприятие, изобилуют религиозным символизмом и в соединении политического, этнического и конфессионального в ней нам видится имевшееся в сознании католиков переплетение этих сфер жизни.

⁶³ РГИА. Ф. 821. Оп. 3. Д. 822. Л. 12–13.

⁶⁴ Там же. Л. 15.

⁶⁵ Там же. Л. 15–17.

⁶⁶ Там же. Л. 20.

товалось как сбывающееся ожидание скорого торжества католической церкви, когда эту веру должен был принять правящий монарх, а католицизм стать господствующим вероисповеданием. При этом принадлежность к католической церкви, в ситуации, когда у конфессиональной принадлежности существовали политические и социальные коннотации, означала и повышение статуса католиков — им должны были быть переданы земельные участки и церковные имущества православных.

При этом политическое измерение переопределения иерархий православия и католичества вовсе не означало, что католики были нелояльны трону — напротив, вскоре после издания указа в более чем сорока костелах Виленской губернии были совершены благодарственные молебны⁶⁷.

Католическое население, по всей видимости, интерпретировало изданный 17 апреля указ как возвращение к «нормальности», к восстановлению в административно-политическом измерении «истинной» иерархии вероисповеданий, и вполне возможно, что некоторые из католиков понимали свои усилия по захвату закрытых ранее костелов и «очищению» их от православных элементов как исполнение «царской воли».

Ярчайшим примером этого является случай, когда в марте 1906 г. в одном из бывших закрытых костелов, в котором начали вновь проводить богослужения, был повешен портрет Николая II⁶⁸.

Заключение

А.П. Стороженко, один из самых активных проводников русификации в Северо-Западном крае в 1860-е гг., надеялся на то, что проводимые им кампании в конечном счете увеличат религиозную индифферентность местного населения, «охладят» веру местных жителей до такой степени, что она перестанет быть важным фактором местной политики⁶⁹. Для секуляризированного бюрократа «горячая» вера казалась уходящим в небытие атрибутом прошлых эпох и трактовалась как набор искусственно поддерживаемых суеверий, в лучшем случае курьезных, в худшем — политически опасных⁷⁰.

Между тем эпоха конца XIX — начала XX в. оказывалась временем роста религиозности не только в России, но и во всей Европе — увеличи-

⁶⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 3012. Л. 80.

⁶⁸ Бендин А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи. Минск, 2010. С. 336.

⁶⁹ Долбилов М.Д. Русский край... С. 453–454.

⁷⁰ Там же. С. 243–245.

вающаяся грамотность и увеличение доступности духовной литературы повысили уровень духовной и религиозной независимости, а ориентация духовной литературы на индивида сделала религиозное переживание более персональным⁷¹. В России начала XX в. появлялось огромное количество новых религиозных течений, а старые же все больше внимания уделяли духовной, внутренней стороне веры, ее переживанию⁷².

По всей видимости, католики Северо-Западного края также не оказались в стороне от этого процесса «разгорания» религиозности. Католическое сообщество, оказываясь внутренне сплоченным, выработало собственные представления о правильном и неправильном вероисповедании, выстраивало собственную, альтернативную имевшейся в институциональном поле символическую иерархию. В этой иерархии причудливым образом идея о «грязном» православии сочеталась с мыслью о том, что правящий монарх вскоре примет католичество и сделает его официальным вероисповеданием империи.

События после указа 17 апреля 1905 г. оказываются в некотором смысле «реваншем» горячей веры католиков, носители которой атаковали сложившуюся на тот момент в крае институциональную структуру конфессиональной иерархии. Ключевая роль в этой атаке принадлежала «очищению» закрытого или обращенного в православный храм католического костела или кладбища в его «нормальное» состояние.

Представляется, что в происходивших в 1905 г. насильственных попытках захвата храмов, уничтожении православных могил на кладбищах, ритуализированного уничтожения имущества можно видеть бумерангом возвращенную католиками местной администрации и православным существовавшую в 1860-е гг. (частичный рецидив которой случился в 1890-е гг.⁷³) практику административного «перекрещивания» католиков в «царскую веру»⁷⁴. В ситуации, когда в католической среде активно циркулировали слухи о переходе императора в католичество, «царской

⁷¹ Shevtzov V. Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution. Oxford, 2004. P. 5.

⁷² Слезкин Ю.А. Дом правительства: Сага о русской революции. М., 2017. С. 31–32.

⁷³ Об этом «рецидиве», отчасти связанном с именем К.П. Победоносцева, см.: Полупанов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. С. 266–279.

⁷⁴ Долбилов М.Д. Русский край... С. 381–390. Долбилов говорил о взаимном обращении стереотипов и моделей описания между католиками и православными, см.: Долбилов М.Д. Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг. // Образ врага. М., 2005. С.166). Кажется справедливым, что то же можно сказать и про действия. В данном случае такая судьба постигла практики, которые изначально были призваны очищать православие от наносного католического элемента.

верой» оказывалось само католичество — и в таком случае ее символическое первенство в среде самих католиков (подкрепленное оппозицией «чистого» католичества и «грязного» православия) воплощалось в виде попыток «очистить» сакральные пространства от конфессионально окрашенных как православные элементов и, таким образом, утвердить господство «правильной» веры.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Список литературы / References

1. Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции: массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М., 2022.
Aksenov V. (2022). *Slukhi, Obrazy, Emotsii: Massovie nastroyenia rossiyan v gody pervoi mirovoi voiny I revolutsii*. Moscow. (In Russ.)
2. Бендин А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-западном крае Российской империи. Минск, 2010.
Bendin A. (2010) *Problemy veroterpimosti v Severo-zapadnom krae rossijskoj imperii*. Minsk. (In Russ.)
3. Воронин В.Е. Польское восстание 1863 года: опыт «Примирительной политики» русского правительства. М., 2008.
Voronin V. (2008) *Pol'skoe vosstanie 1863 goda: opyt "Primiritel'noj politiki" russkogo pravitel'stva*. Moscow. (In Russ.)
4. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917: Центральные государственные учреждения. Т. 2. СПб., 2001.
Vysshie i central'nye gosudarstvennyye uchrezhdeniya Rossii. 1801–1917: *Central'nye gosudarstvennyye uchrezhdeniya*. (2001) T. 2. Saint Petersburg. (In Russ.)
5. Долбилов М.Д. Конфессиональная идентичность и аргументы памяти — католический ответ на русификацию // Православие: конфессия, институты, религиозность (XVII–XX вв.): сборник научных работ. СПб., 2009. С. 72–105.

- Dolbilov M.D. (2009) “Konfessional’naya identichnost’ i argumenty pamyati — katolicheskij otvet na rusifikaciju”, in *Pravoslavie: konfessiya, instituty, religioznost’ (XVII–XX vv.): sbornik nauchnyh rabot*, pp. 72–105. (In Russ.)
6. Долбиллов М.Д. Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг., в: *Образ врага* / Ред.: Л. Гудков. М.: ОГИ (Объединенное Гуманитарное Издательство), 2005. С. 127–174.
Dolbilov M.D. Polonophobia and the policy of Russification in the Northwestern region of the Empire in the 1860s, in: *The image of the enemy* / Ed. by L. Gudkov. Moscow: OGI (United Humanitarian Publishing House), 2005. P. 127–174 (in Russ.).
 7. Долбиллов М.Д. Поляк в имперском политическом лексиконе // Понятия о России: к исторической семантике имперского периода. М., 2012. С. 292–342.
Dolbilov M.D. (2012) “Polyak v imperskom politicheskom leksikone”, in *Ponyatiya o Rossii: k istoricheskoy semantike imperskogo perioda*, pp. 292–342. (In Russ.)
 8. Долбиллов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.
Dolbilov M.D. (2010) *Russkij kraj, chuzhaya vera: Etnokonfessional’naya politika v Litve i Belorussii pri Aleksandre II*. Moscow. (In Russ.)
 9. Дуглас М. Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу. М., 2000.
Duglas M. (2000) *Chistota i opasnost’: analiz predstavlenij ob oskvernenii i tabu*. Moscow (In Russ.)
 10. Киценко Н.Б. Святой нашего времени: отец Иоанн Кронштадтский и русский народ. М., 2006.
Kicenko N. (2006) *Svyatoj nashego vremeni: otec Ioann Kronshtadtskij i russkij narod*. Moscow. (In Russ.)
 11. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть. СПб., 2001.
Kolonickij B (2001) *Simvolj vlasti i bor’ba za vlast’*. Saint Petersburg. (In Russ.)
 12. Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010.
Polunov A. (2010). *K.P. Pobedonoscev v obshchestvenno-politicheskoy i duhovnoj zhizni Rossii*. Moscow. (In Russ.)
 13. *Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. 1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий*. СПб.: Тип. 2-го отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1857. С. 14.

- Digest of laws of the Russian Empire*. Vol. XI. Part 1. Statutes on the spiritual affairs of foreign confessions. St. Petersburg: Printing house of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1857. P. 14 (in Russ.).
14. Слѣзкин Ю.А. *Дом правительства: Сага о русской революции*. М.: АСТ; КОРПУС, 2017. 976 с.
Slezkine Yu.A. *The House of Government: A saga of the Russian Revolution*. Moscow: AST; CORPUS, 2019. 976 p. (in Russ.).
15. Clark C. The new Catholicism and the European culture wars, in: *Culture wars: Secular-Catholic conflict in nineteenth-century Europe* / Ed. by C. Clark, W. Kaiser. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 11.
16. Crews R. Empire and the confessional state: Islam and religious politics in nineteenth-century Russia. *The American Historical Review*. 2003;108(1):50-83.
17. Freeze G. Institutionalizing piety: The Church and popular religion in Russia, 1750–1850, in: *Imperial Russia: New histories for the Empire* / Ed. by J. Burbank, D. Ransel. Bloomington: Indiana University Press, 1999. P. 221–256.
18. Shevzov V. *Russian Orthodoxy on the eve of Revolution*. Oxford: Oxford University Press, 2004. 372 p.
19. Werth P. *The Tsar's foreign faiths: Toleration and the fate of religious freedom in Imperial Russia*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 288 p.

Ерохов Никита Сергеевич
Nikita S. Erokhov

аспирант Школы исторических
наук факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского
университета «Высшая школа
экономики»,
SPIN-код: 3363-1684,
AuthorID: 1323744

first year Postgraduate student at the
School of Historical Sciences, Faculty of
Humanities, National Research University
Higher School of Economics,
SPIN-код: 3363-1684,
AuthorID: 1323744

Поступила в редакцию /
Received
02.11.2025

Поступила после
рецензирования /
Revised
03.12.2025

Принята к публикации /
Accepted
12.01.2026